

А.Л. Хорошкевич (Москва)

Терминология и дипломатика полоцких коммуникативных документов как когнитивный код¹

*А Полтеск теж ест, хвалячи
Бога, мѣсто словутное, как
и которое, а не есть нижшое во
ч(ес)ти и во всем ни Вилни, а ни
Мариборка, а ни Кгданьска*

Язык, дипломатика, терминология и типология полоцких грамот еще недостаточно хорошо исследованы с точки зрения изучения познавательных процессов, способностей категоризации явлений у жителей Полоцкой земли (рядовых и лиц, в той или иной степени причастных к власти в городе и земле), как субъектов торговых, военных и дипломатических отношений с их восточными, северными и северо-западными соседями². Автор не надеется на сколько-нибудь удовлетворительное решение поставленного вопроса, но считает полезным обратить внимание на возможности, открывающиеся при изучении языка этих грамот в контексте истории Полоцка XIV–XV вв. и его письменной культуры. Необходимо привести новейшее определение этого понятия: «...наиболее ёмкое определение письменной культуры, ... это признание за письменном источником информации определённой ценности, которое ведёт за собой изменения форм сознания, норм и моделей поведения людей и их взаимоотношений, появление новых форм организации общества, способов управления этим обществом и контроля над ним» [Груша 2012: 468].

¹ Приношу благодарность первому критику настоящего текста С.В. Полехову за сделанные им замечания.

² Пионером специального изучения вопроса выступил А.И. Груша [Груша 2011б].

Типы документов

Полоцкое письменное наследие включает договоры и переписку с городскими властями Риги и магистром, привилеи (жалованные грамоты) великих князей литовских отдельным полочанам и всему городу. Полоцк — давний торговый партнер Риги поддерживал активную переписку с городскими властями ливонского города. Чудом уцелела купчая грамота владыки Симеона XV в., во время Первой мировой войны эвакуированная в Нижний Новгород, да так и застрявшая там. Полоцкие же послания сохранились в Рижском городском архиве в фонде *Moscovitica-Rutenica* (ныне Историческом архиве Латвии). Этот фонд городского архива в середине XIX в. был упорядочен Г. Гильдебрандом, благодаря чему он стал более удобен для пользования. Впервые отдельные полоцкие грамоты этого архива были обнаружены К.Э. Напьерским [Грамоты 1857; Акты 1868].

Подъем археографии в Ливонской провинции Российской империи, совпавший с общим направлением развития этой сферы исторической науки в XIX в., вызвал к жизни обширную публикацию «Ливонских грамот», начатую Ф.Г. фон Бунге [Urkundenbuch 1853–1910]. В основанном им издании были помещены полоцко-рижские договоры, а некоторые полоцкие послания, как правило, в немецких переводах, увидели свет в подготовленном К. Кунце пятом томе «Ганзейских грамот» [Hansisches Urkundenbuch 1899]. Более полный корпус этих грамот увидел свет на протяжении конца 70-х — начала 80-х годов XX в. [Полоцкие грамоты: 1977; Полоцкие грамоты 1978; Полоцкие грамоты 1980; Полоцкие грамоты 1982]. Именно это издание — при всем его несовершенстве (и не только техническом) и используется в настоящей статье.

* * *

Благодаря прочным и долгим сношениям Полоцка с Ригой исследователи располагают довольно обширным, а, главное, уникальным корпусом посланий: полоцких — городским властям Риги и ливонскому магистру, и великокняжеских, поскольку вопросы взаимоотношений Полоцка с Ригой и ливонским магистром рассматривали юридически и литовские осподари — великие князья литовские, русские³,

³ Поскольку термин «Русь» имел очень много значений: им обозначались и земли восточных славян и сами жители (будущие белорусы, украинцы,

жемайтские, князья прусские (после 1466 г.). В самом же городе Полоцке сосуществовали три ветви власти — городская (бояре и мещичи), великокняжеский воевода и наместник последнего, архиепископ, каждая из которых поддерживала особые отношения с ливонскими партнерами и снабжала полоцких послов в Ригу своими верительными грамотами.

Большая часть этих посланий, в том числе посланий воевод и воеводских наместников, написана на старобелорусском языке («русском»⁴ или «русской мове»⁵). Лишь однажды 24 декабря 1470 г. воевода Олехно Судимонтович направил в Ригу послание на латыни.

великорусы, за которыми и закрепилось наименование «русские»), а определение «русский» применительно к великому князю литовскому и его подданным на протяжении средневековья и раннего нового времени писалось через одно «с», следуем этой традиции, которая позволяет разграничивать средневековых жителей Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) и современных «русских», потомков той «руси», которая населяла Великое княжество всея Руси (1485—1547), Российское царство и империю, а позднее СССР и Российскую федерацию, а ныне обозначает и всех эмигрантов из СССР и России независимо от их действительной национальности и родного языка.

⁴ Вопрос о наименовании того языка, который употреблялся в канцелярии великого князя литовского и в отдельных регионах ВКЛ, обсуждается уже много десятилетий. В данной статье, как и в других работах автора, принята формулировка Т. Тимченко и А. Лифшица [Тимченко, Лифшиц 2003: 35].

⁵ Возможна и предложенная М.Н. Тихомировым характеристика языка («русская мова»), может быть, нивелирующая различные региональные особенности, но вполне соответствующая канцелярскому языку официальных великокняжеских грамот. Это, по определению А. Балюлиса, «специфический письменный язык Великого княжества Литовского». К сожалению, со второй половиной его утверждения, во всяком случае, применительно к полоцкому письменному наследию, согласиться трудно. Исследователь подчеркивает, что в этом языке «слишком много полонизмов, поэтому мы не можем называть этот язык «русским» только потому, что письмо кириллическое» [Балюлис 2005: 48]. Темп полонизации «русского» зависел от места и учреждения, из которого исходил тот или иной документ, поэтому результаты этого процесса были разными. И дело вовсе не только в характере письма — кириллического или латиницы, но и в менталитете, месте жительства и сфере деятельности автора документов. Поэтому в определение литовского коллеги уместно было бы добавить слово «канцелярия», в которой процесс полонизации происходил ускоренным темпом.

В нем он дал объяснения о причинах долгого молчания — из-за отсутствия писцов, знающих немецкий язык, поэтому, де, рижские послания не прочитаны, есть только славянские. «Ваша милость ... также знает, — писал воевода, — раньше мы посылали письма Вашей милости гораздо чаще, чем Ваша милость посылали письма нам... они писались на русском или латинском языке, так как мы не всегда имеем около нас немцев». Заявление указывает на то, что воеводская канцелярия, подобно великокняжеской литовской, укомплектовывалась русскими и латинскими писарями, однако наличным материалом фонда Московитика-Рутеника Рижского городского архива это не подтверждается. Более вероятно мнение С.В. Полехова, что речь шла не о воеводской, но о личной канцелярии пана Олехны в Хожове («около нас»), чем, кстати, подтверждаются наблюдения белорусского и литовского исследователей А.И. Груши и П. Петраускаса о нерасчленности личных и воеводских канцелярий. Так, А.И. Груша пишет: «Послания от полоцких воевод (наместников) и владык готовили их личные дьяки (писари). Такие дьяки имелись у многих панов, у каждого державцы, старосты, воеводы, их наместников, у каждого иерарха. Они были предназначены, в частности, для документального обеспечения правовой деятельности их панов: подготовки судебных листов воевод и епископов, дозволенных листов воевод и т. д. Один из судебных листов полоцкого наместника пана Андрея Сакевича и полоцких бояр писал «дьяк, панский писарь на имя Тешко» [Полоцкие грамоты 1977: 170; Полоцкие грамоты 1982: 31]. Авторами полоцких посланий выступают архиепископ Полоцка (1), великий князь литовский, воевода великого князя литовского, воеводский наместник, остававшийся в городе в период отсутствия воеводы(3), городские власти (2), отдельные полочане (4).

Задачей настоящей статьи является изучение вопроса о существовании канцелярий каждой из этих ветвей власти, наличии их собственных особых традиций, которые достаточно отчетливо можно проследить в начальном протоколе их посланий в Ригу — ливонскому магистру и рижскому городскому совету. Наконец, особо следует рассмотреть вопрос о взаимодействии (в частности в середине XV в.) некоторых из этих канцелярий (городская и владычная).

Поскольку характер оформления документов в сфере коммуникации резко менялся, целесообразно изучение их в хронологическом порядке.

ХIII столетие

От XIII в. сохранилось небольшое количество документов, однако и они дают некоторый материал для размышлений о развитии письменной культуры Полоцка, в частности осведомительная грамота литовского князя Герденя (ум. в 1267 г.).

Данный документ, в литературе и в предшествующей публикации псковских грамот ошибочно названный договором (Полоцкие грамоты 1977: №1⁶), может быть причислен к такому виду документов лишь условно. В интитуляции обозначена только одна из договаривающихся сторон, вторая отсутствует. Нет сведений о скреплении документа печатями обеих или хотя бы одной стороны. По типу грамота приближается к «осведомительным», по терминологии А.С. Лаппо-Данилевского [Лаппо-Данилевский 1920: 13, 15, 18–30], в «память о совершенной сделке» [Валк 1920]. С.М. Каштанов называет ее «посланием» [Каштанов 1976: 76]. По своему формуляру — это типичная открытая грамота западного средневековья — извещение, оповещение, не нуждавшееся в удостоверении печатью и обращенное к тем, «што ныне живи суть, а тем, кто напосле приидуть».

Оригинал грамоты написан в Риге, как свидетельствует конечный протокол копии грамоты. Там же — в конечном протоколе имеется дата, причем не от сотворения мира, но от Рождества Христова. Таким образом, и начальный, и конечный протокол носит следы влияния латиноязычного формуляра.

В судьбе рижского списка грамоты, дошедшего до нашего времени, много непонятного. Эта единственная известная копия документа, равно как и следующего, проекта договора Изяслава, написанная на том же пергамене, что и первый документ в начале XV в., по-видимому, в связи с полоцко-рижскими переговорами в период коренного пересмотра торговых отношений этих городов накануне заключения Копысского договора. Судя по палеографическим данным, проанализированным еще К.Э. Напьерским и Х. Стангом [Грамоты 1857; Акты 1868; Stang 1938: 15], копия принадлежит тому же писцу, который изготовлял такие ответственные документы, как окончательный текст договора 1407 г., (№38), проекты договора 1405 г. (№№ 34,

⁶ Далее номер документа из этого тома указывается в тексте в скобках.

35). Возможно, он же писал послание полочан 1404 г. Стало быть, копии внешнего архива Рижского магистрата грамот Герденя и Изяслава происходят из Полоцка, что представляется малообъяснимым. Непонятно также, почему же не было отправлено по назначению послание Герденя, если оно в течение почти полутора столетий действительно хранилось в полоцком городском архиве (существование которого спорно). Впрочем, там мог находиться полоцкий противень «договорной» грамоты, если считать ее таковой. Не исключено, что копия была написана полоцким писцом в Риге на основе оригинала того же рижского архива. При таком допущении встают другие пока неразрешимые вопросы — о судьбе этого оригинала XIII в., с одной стороны, и использовании пергамена в то время, когда уже происходил переход к новому материалу — бумаге.

Оповещение исходило от князя Герденя, не названного ни литовским, ни полоцким, ни витебским, что не помешало В.Т. Пашуто считать его полоцко-витебским князем [Пашуто 1959: 382], а А.В. Кузьмину — только полоцким [Кузьмин 2007]. В белорусской историографии он именуется литовским [Варонин 1996], и это представляется наиболее правильным определением.

Грамота №1 ссылается на «старый мир князя Герденя», заставляя тем самым думать, что сохранившемуся документу предшествовал иной, составленный от имени того же князя Герденя. Не исключено, что грамота, прокламируя длительное действие заключенного при посредничестве Герденя договора, называла «старым миром» только что вступившее в действие соглашение, хотя на первый взгляд такое предположение противоречит логике. Роль князя Герденя при заключении договора, о котором идет речь в грамоте, сводилась к миссии посредника, «створившего мир промежи» магистра, Риги, полочан и витьблян⁷. Этим был завершён территориальный конфликт, произошедший в нарушение предшествующего договора, заключенного кн. Константином. Как и в смоленско-рижском договоре 1229 г., подтверждалась свобода торговли — в общей форме купли и продажи.

Местом разрешения споров, возникающих в процессе торговли, послание Герденя называет город, даже если участник конфликта,

⁷ Ст. Родевальд подчеркивает, что князь не был представителем ни «полочан», ни витьблян [Rodewald 2005: 78–79].

происходит из «волости», которую Ст. Родевальд отождествляет с сельской округой [Rodewald 2005: 79]. Он полагает, что именно «горожане» становились носителями права для всей земли. Соблюдение же права, по его мнению, остается и впредь связанным с личностью князя.

Международные или межгородские отношения центров власти оказались сферой наиболее раннего формирования письменной культуры, постепенно сменявшей религиозный ритуал, соответствовавший традициям средневекового общества, в котором социальные и религиозные институты были неразрывно связаны. Даже в обществе, где начала происходить их дифференциация (по мнению А.И. Груши, в пределах Великого княжества Литовского подобные перемены заметны во второй половине XIV в. [Груша 2010: 31]), сохранялись следы использования религиозного ритуала и более того вообще дописьменной — устной правовой традиции. Об этом можно судить по памятнику, вошедшему в литературу под названием «Слово» Изяслава — «договорной грамоте» полоцкого князя Изяслава — вернее, послании рижскому епископу и ливонскому магистру около 1265 г. «Слово» Изяслава, возможно, сохранялось в Полоцке вплоть до начала XV в., когда копия, написанная на том же пергамене и тем же писцом, что и грамота Герденя, была доставлена в Ригу, где и попала в архив Рижского магистрата⁸.

Эту грамоту в соответствии с ее интитуляцией считают грамотой полоцкого князя Изяслава. Правда, И.И. Срезневский приписывал ее Герденю, ставшему якобы полоцким князем после Товтивила. В.Т. Пашуто же полагал, что было сразу два Изяслава — и в Полоцке, и в Витебске. Возможно и иное толкование. Заявление «А Изяслав со мною одно. На семь ко мне целовати крест в правду» сделано не от имени самого Изяслава, но от имени Войшелга.

Грамота, подобно №1, лишь условно может быть названа договором. Это проект Изяслава, содержащий как характеристику ливонско-литовско-полоцко-витебских взаимоотношений, так и предложения, касающиеся территориальных вопросов и торговых связей Полоцка, Витебска, Ливонского ордена, представленного магистром, Риги и Феллина (жители которого названы «велневицы»). Никаких следов утверждения грамота не имеет.

⁸ См. подробнее выше комментарий к № 1.

Она носит самоназвание «слово», в термине «слово» грамоты № 2 есть оттенок просьбы или приказа. Среди полоцких документов есть и другой пример использования термина «слово». В послании воеводы Прижкента, отнесенном в 1977 г. к 1439 г., содержится его и всех мужей полочан пожелание «местерева слова и всех ратман ... слушати». В данном случае можно предполагать, что речь шла о возобновлении переговоров в связи с неурегулированным вопросом о пленных полочанах (как составительница полагала тогда, и что оспорено ныне С.В. Полеховым), захваченных в ходе Вилькомирской битвы 1435 г. и бежавших из Жемайтии к ливонскому магистру. Употребление же этого термина на территории Северо-Восточной Руси С.М. Каштанов убедительно связывает с применением данной формулы ханами Джучиева улуса, которые использовали его в значении «приказа». Однако именно такой оттенок не позволяет согласиться с определением С.М. Каштановым «слова» как вводной части интитуляции, «Слово» грамоты Изяслава скорее можно назвать салютацией, аналогичной «поклону» новгородских грамот.

Грамота Изяслава делится на две части, первая часть посвящена политическим взаимоотношениям договаривающихся сторон, вторая — экономическим и территориальным, а также разрешению конфликтов в связи с территориальными спорами. Каждая из этих частей завершается требованием целования креста. Коллективное крестоцелование, обычай которого был широко распространен на Руси после принятия христианства, стало, согласно А.И. Груше, «обычной практикой фиксации и удостоверения договорных отношений между индивидами, индивидами и сообществами в Древней Руси», «совершением религиозного ритуала» (автор приводит примеры подобного крестоцелования XII в, зафиксированные в летописях [Груша 2012]). На этот раз крестоцелование требовалось «в межкультурной коммуникации» — якобы в соответствии с традицией — от партнеров полоцкого князя, диктовавшего свои условия рижскому епископу, магистру и ратманам.

Требование целования креста (или упоминание о совершении этой процедуры) в актах более позднего времени помещалось в конечном протоколе, в данном же случае, в отличие от актов, оно может быть названо диспозитивной частью. Это требование в отдельных местах «Слова» Изяслава изложено с некоторыми отличиями:

В диспозиции

На семь ко мне целовати крест
вправду, любовь имети и мир, как
было при первых князьях полочьскы

В конечном протоколе

На семь же целуйте ко мне крест,
по любви вправду без всякого извета

В смоленских договорных грамотах крестоцелование крайне редко, оно практически не упоминается в 1229 г. и неожиданно возникает в соглашении смоленского князя Ивана Александровича (1313–1359 гг.) с послами Ливонского ордена, рижского епископа и городского совета Риги, подтверждавшем договор Гедимины, оно заключалось в Смоленске: «На том...целовал есмь кр(е)ст к брат(у) к своему к местерю, а они целовали ко мне кр(е)ст местеревою д(у)шею и п(и)скуплею» [Смоленские грамоты 1963: 69–70]. Двустороннее крестоцелование оказалось единственным известным ныне в смоленском письменном наследии. 13 сентября 1386 г. в договорной грамоте смоленского князя Юрия Святославича с королем польским, литовским и русским Владиславом Ягайлой и великим князем литовским Скиргайлой (скорее присяжной смоленского князя), заключенной в «Вильне», целовали крест только великий князь смоленский и его восемь бояр. Обязуясь «мира не держати ... со Ондреем полоцким», все они не ограничились целованием креста, но и «своими печатями завесили» [Смоленские грамоты 1963: 73–74]. Правда, документ был скреплен десятью вислыми восковыми печатями, кому принадлежала десятая, неясно (может быть, в тексте было пропущено имя одного из смоленских бояр.)

В XIII-м же столетии крестоцелование на Руси было обычным ритуалом. Так, требование, причем повторенное дважды, целовать крест содержит договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1273 г.:

На семь ти, княже, хръст
целовати, на цемь то целовал
хръст отец твои Ярослав.

На том на всеь хрьст целовати
по любьви, без всякого извета, в правду,
при наших послех.

Как и в «Слове» Изяслава, в новгородско-тверском докончании конечный протокол сведен к требованию целования креста. Условия будущих отношений, скрепленные крестоцелованием, обе грамоты излагают совершенно одинаково: «по любви, в правду, без всякого извета». Аналогии полоцких и новгородских документов этим не ограничиваются. Почти одинаковая формулировка об отношении к холопу и робе: «А холопу и робе веры не няти» звучит в уставной грамоте Полоцку, но в более развернутой форме в новгородской грамоте 1273 г.: «А холоп или роба почнет вадити на господу⁹, тому ти веры не няти».

Грамота № 2 содержит много установлений, сходных с теми, которые зафиксировали древнейшие грамоты Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в частности о рубежах, должниках и т. д. Есть и сходные обороты. Так, для обозначения договорных отношений грамота Изяслава употребляет распространенные словосочетания: «одно есть», «со мною одно» (о союзнических отношениях), «по любви в правду» (об условиях этих отношений). Совпадения формуляра, юридических норм и фразеологических оборотов «Слова» Изяслава с формуляром, нормами и оборотами древнейших русских грамот показывают, что оригинал документа возник в полоцкой канцелярии, сохранявшей общерусские традиции составления подобных документов. Даже полутора столетиями спустя во времена Витовта эти традиции, по утверждению М. Космана, были живы, что, впрочем, совершенно естественно в связи с практикой приглашения литовских князей на кормление в Новгороде; более того, они стойко сохранялись, несмотря на все усиливавшееся с течением времени воздействие чешских и польских обычаев и знакомство с немецкой традицией составления документов.

«Слово» Изяслава было написано несомненно после № 1. В конце текста второй части «Слово» возвращалось к вопросу о том, что

⁹ Значение термина в данном документе возможно было иным, нежели в более позднее время [Лукин 2012].

было уступлено Риге, и запрещало «... к тому ... поискивати ...людеи, ...земли, ...воды, ... борти», подтверждало, что ни та, ни другая сторона не должны мстить за убытки, нанесенные «в рать...и в рубежах», то есть во время войн и пограничных мелких конфликтов.

Обобщенная формулировка спорных вопросов свидетельствует о том, что военные действия имели место значительное время до написания грамоты, и составителю «Слова» Изяслава уже можно было не уточнять конкретных случаев. Уступленные в Риге, согласно грамоте Герденя, земли переходили в вечное пользование Ордена. Повидимому, под полоцкими владениями грамота №2 имела ввиду именно замок Розитен и его земли, до договора князя Константина входившие в состав Полоцкого княжества. От этих-то земель отказался князь Константин, давая обещание в дальнейшем их «не поискивати». Об этих же землях говорит и грамота князя Герденя: заключительная фраза диспозиции, вкратце повторяющая содержание сделки, содержит отказ полоцкой стороны только от Лотыгольской земли (Латгалии).

В издании 1977 г. документ был отнесен к 1265 г. Однако ссылки автора данной статьи на известия Ипатьевской летописи, положенные в основание датировки («в условиях, сложившихся после походов Довмонта на Литовскую землю в 1266 и 1267 гг., Войшелг в поисках поддержки обратился к галицкому князю Васильку Романовичу, которого признал своим “отцом” и “господином”»), А.В. Кузьмин не считает имеющей решающее значение. Он полагает, что данный источник ничего не знает и не сообщает об изменении принципов власти Войшелга как в Полоцке, так и в Витебске на протяжении 1264–1268 гг. Известие, согласно А.В. Кузьмину, целиком относится к ситуации, сложившейся лишь в русско-литовском Понеманье [Кузьмин 2005; Кузьмин, Пятнов 2004].

Появление в Полоцке князя Изяслава было возможно лишь после смещения или смерти Герденя. О первом событии из его биографии ничего неизвестно. Наоборот, житие святого благоверного князя Довмонта (Тимофея) свидетельствует о начале активной борьбы в 1266 г. правителя Пскова против Герденя. Она окончилась поражением последнего и гибелью нальшанского правителя Герденя во время одного из столкновений с Довмонтом, также нальшанским князем, и новгородцами в 1267 г. Войшелг, вытеснив в 1265 г. Довмонта, активного участника заговора против своего

отца из его родовых земель на Руси, по-видимому, мог стремиться найти поддержку среди политических конкурентов Довмонта, каким, несомненно, был Гердень, опиравшийся на помощь ряда более мелких и незначительных литовских князей. Однако гибель Герденя могла привести к смене на княжеском столе в Полоцке. Ставленником Войшелга, очевидно, стал Изяслав, находившийся в «воли Б(о)жии и въ Молшелгове». Генеалогические притязания князя Изяслава, по-видимому, могли обосновываться его вхождением в более раннее время в число «братьи» полоцкого князя Константина. Внешняя политика Изяслава в отношении Ливонского ордена вызвала неоднозначную оценку в Северо-Западной Руси. Уже осенью 1267 г. новгородцы вместе с князем Юрием Андреевичем Суздальским обсуждали вопрос о походе «на Литву» или «на Полтескъ». Причиной такого решения могло стать как само посажение Изяслава из литовской руки в Полоцке, так и, по-видимому, неудовольствие новгородцев (что более вероятно) очевидным отказом полочан участвовать в борьбе соседних русских княжеств против Ордена.

Таким образом, договорная грамота («слово») полоцкого князя Изяслава от имени Полоцка и Витебска (находившихся в «воли Б(о)жии и въ Молшелгове») с ливонским магистром, которым на протяжении середины 1264 — середины 1267 гг. был Конрад фон Мандерн, и городом Ригой, могла быть составлена только в тот период времени, когда оба русских города находились в мирных и союзнических отношениях друг с другом. Данный период оказывается весьма коротким. Он охватывает период между смертью в 1267 г. князя Герденя и началом конфликта новгородцев с Полоцком, произошедшего в конце лета или осенью 1267 г. Во второй части рассматриваемого документа частично подтверждались, частично изменялись условия рассмотрения конфликтов. Возбранился пересмотр уже решенных дел, зато предоставлялась свобода выбора места суда.

Таким образом, предложения Изяслава, изложенные в обеих частях проекта договора, были направлены на упрочение мирных отношений партнеров в будущем. Однако в отличие от предшествующего послания Герденя «Слово» Изяслава отводило и полочанам, и витьблянам лишь пассивную роль, на что справедливо обратил внимание Ст. Родевальд [Rodewald 2005: 79].

Устная правовая традиция в письменных документах XV в.

Традиция устного оформления договоренностей была жива и значительно позднее — в начале XV в., как показывает анализ посланий №№ 39—40. Они посвящены урегулированию одного и того же конфликта, в ходе которого в Полоцке были задержаны рижане с их товарами в ответ на захват в Риге струга, челяди и торговых людей полочан. Урегулирование отношений потребовало вмешательства великого князя. Расходные книги рижского городского совета содержат запись о расходах по приему Давыда, великокняжеского посла, и полоцких послов, находившихся в Риге одновременно с ним. В результате переговоров в Риге было достигнуто соглашение о том, что полочанин Игнатий и другие его соотечественники, находившиеся в Риге, могут отправить свои товары вверх по Двине мимо Дюнабурга (Даугавпилса), как только они будут готовы. Сами же полочане должны были оставаться в Риге и в пределах Ливонии до тех пор, пока не вернуться из Полоцка немецкие купцы и не привезут охранной грамоты князя. Все это магистр, и рижский городской совет сообщили князю Ивану Семеновичу, полоцкому наместнику («бургграфу», по их терминологии), в своем послании от 11 августа 1409 г. Иван Семенович известил магистра и рижский городской совет о возвращении полоцких послов и изложил причины возникновения конфликта (№ 39).

Вместе с полоцкими послами из Риги выехал и тот ратман, о котором упоминали рижские и орденские власти в послании от 11 августа — ратман Годаке. Годаке, которого в Полоцке называли Федором, пришлось пойти на уступки: в Полоцк должны были сначала вернуться все полочане, а не только их товары, предусматривалась возможность поездки сушей — «на конех». Ливонцы должны были вернуть и струг, и челядь, захваченную у полочан «без кун», после чего в две очереди: вывозились товары ливонцев; сначала товар, «который поторгованыи воск а белку», а потом все остальные, по прибытии полочан на стругах. Второе послание Ивана Семеновича датировано 26 августа. Издатель документа в «Ливонских грамотах» Ф.Г. фон Бунге оба эти документа рассматривал как один: № 39 считался переводом № 40.

Однако в них, как показывает вышеизложенное, шла речь о разных вещах. В первом послании Иван Семенович извещал о возвра-

щении полоцких послов, во втором — о прибытии рижского ратмана Годеке. Условия окончательного урегулирования конфликта различались. Так называемый «перевод» лишен многих подробностей: нет имени полоцкого посла — «доброто человека Климяты», который приехал в Ригу вместе с Годеке, не указан вид транспорта, которым могут возвращаться полочане; иной порядок изложения; в «перевод» названы имена ливонцев, которые первоначально были задержаны в Полоцке.

Каким образом была доставлена в Ригу грамота №39, неясно. Скорее всего, ее привезли немецкие купцы, поэтому грамоты №№ 39 и 40, подобно «жалованной» Витовта на строительство церкви в ее русском и немецком вариантах, оказались в разных отделах рижского городского архива¹⁰.

В «салютации» (этот термин актовой дипломатики вполне применим к посланиям) вновь появляется известный по ранним грамотам термин «поклон». Однако других следов продолжения старых традиций не чувствуется. Формула о свободе торговли и передвижения ничем не напоминает соответствующие формулы предшествующих договоров и посланий.

Личность князя Ивана Семеновича долго оставалась неидентифицированной. Баснословная родословная Друцких князей, изложенная в белорусско-литовских летописях XVI–XVII вв., пыталась заполнить лауну и установить связь с Друцкими князьями времени Древнерусского государства. Ф.Г. фон Бунге считал, что это сын Семена Ольгердовича (Лугвеня), однако в настоящее время его считают Друцким Иваном Семеновичем (по прозвищу Баба; ок. 1385 — после 1436 г.) Он отличался высокой «политической» активностью, подписывал все договоры княжества с Орденом, начиная с 1398 и до 1432 г. [Варонин 2002].

Полоцкий наместник великого князя литовского Витовта Иван Семенович 14 мая 1409 г. извещал ливонского магистра и рижский городской совет о возобновлении торговли с Полоцком после приезда рижского ратмана Федора и возмещения убытков полочан. Итоги переговоров с рижским представителем Иван Семенович сформулировал так: «А на том есмо и рук(и) дали Федору и печати свои

¹⁰ Что, впрочем, как заметил С.В. Полехов, не помешало К. Кунце в 1899 г. объединить эти документы в один.

приклали». Устное соглашение, подтвержденное рукопожатием, предшествовало оформлению письменной версии. Несомненно, речь шла о составлении письменного документа, что явствует из следующей фразы: «А с тою грамотою послали есмо доброго человека Климяту». Однако в устном обиходе сохранился пережиток дописьменного периода, когда жест рукой рассматривался как акт символической коммуникации.

В XV в. термин «рука» приобрел более расширительное значение. В 1439 г. полоцкий воевода Прижкент сообщал ливонскому магистру, просившему некоего Еремея «на свои руки», что полочане действительно его «пустили на местеревы руки и всех ратман». Одновременно он ставил магистра в известность, что в обмен просит «на воеводины руки и всех бояр и мужь полочан» трех человек. В данном случае речь шла, по-видимому, о передаче ответчиков в соответствующий суд. Аналогичная ситуация сложилась и в конце 40-х — начале 50-х годов по иску Сергея Мошневича, потерявшего в рижском городском табуна («стаде») одного из своих коней. В рассмотрение конфликта вмешался полоцкий воевода Андрей Сакович, потребовавший справедливого разрешения конфликта от рижских ратманов, которые пастуха-конюха городского табуна, сгубившего коня Сергея Мошневича, «узяли есте на свои руки», т. е. на поруки.

Конечно, к XV столетию уже полностью утвердился порядок письменного оформления договоров, но все еще практиковался древний обычай «рукобития» как символа соглашения сторон и, в частности, поручительства по сделкам. Так, Мина Зесембек ввел в паруку пана Гануса Филиповича: «за того рукою маешь тую соль побрати у Полоцку».

Задержанные до 1471 г. в Полоцке рижские товары — «все Ольбрах взял на свои руки». Однако вскоре снова возникли споры, встреча (сойм) на Индрице остался безрезультатным, и полоцкие бояре вынуждены были напомнить рижанам, что «тот товар вернули вам на того Гануса и Гармана рукоемство, излюб и запис, как осподарю его милости злюбили и записались и на ваши записы и печати, как же есте писали до нас», но из-за неудачи переговоров потребовали их обратно.

Не исключено, что значение «давания руки» соответствовало понятию «дать правду крепкую», которое встречается в грамоте польского короля Владиславу литовскому князю Скиргайлу на Троцкое,

Минское и Полоцкое княжение от 25 апреля 1387 г. Хотя в последнем случае более уместно толковать приведенное выражение как клятву — крестоцелование. Пережитки устной дописьменной культуры можно видеть отчасти и в так называемых «открытых» грамотах, с содержанием которых мог ознакомиться тот, «кто на сию грамоту узреть или услышит(ь) чстучи»¹¹. Эта формула сохранялась и в середине XV в. (например, в подтверждении Копысского договора 3 мая 1447 г.)

Устному слову и договоренностям вплоть до 70-х годов XV в. придавалось, однако, такое же значение, как письменному соглашению. Это ясно видно из заявления полочан 24 ноября 1471 г: «Промежи нами есть у вечных записех на обе стороне не отмовлено и не записано, шtbody купцом не призволено выменяючи которым товаром не торговати, вашим рижаном у нас у Полоцку, а нашим у вас у Ризе».

XIV — начало XVI вв. Самоназвания документов

Вопрос о самоназваниях чрезвычайно важен, поскольку они дают представление об отношении авторов к создаваемым ими документам и о традициях письменной культуры Полоцка.

1а. Вышеназванная публикация полоцкого документального наследия 1977–1989 гг. в заголовке имеет термин «грамота», который составительница широко использовала и при классификации отдельных документов. Действительно, наиболее ранние документы содержат самоназвание «грамота». Литовский князь Гердень свое извещение 1263 г. о заключении мира с ливонским магистром, Ригой, Полоцком и Витебском именует «грамотой». Подобным образом автор грамоты характеризует и договор с Полоцком и Витебском, и предшествовавший ему договор князя Константина с магистром. В четвертый раз этот термин помещен в конечном протоколе документа: «Сию грамоту тогды написана в Ризе...». Как правило, самоназвание документа помещается в его конечном протоколе. Так, уже цитированный выше документ короля Владислава от 25 апреля 1387 г. завершается формулой «дали есмо сию грамоту», а в жалованной великого князя литовского Витовта

¹¹ Таким образом, в сферу влияния письменной культуры попадали и люди, не владевшие грамотой [Груша 2012].

рижскому бургомистру Тидеману Ниенбрюгге на свободу торговли рижан в Полоцке от 6 марта 1399 г. этот термин встречается дважды в одинаковой формулировке: «мы ...дали есмо сию грамоту»¹². Та же формулировка в жалованной заповедной того же Витовта рижанам на участок для строительства церкви: от 23 февраля 1406 г. «дали есмо сю нашу грамот(у) рижаном».

А 7 ноября 1404 г. (согласно старой датировки) или 1414 г, предлагаемой С.В. Полеховым, сам Полоцк («мы, полочане») не только свое послание ливонскому магистру, но и будущий ответ магистра по поводу пленных полочан называет «грамотой». Так же характеризуют свой проект договора Риги с Полоцком рижские ратманы в тексте 17 мая 1405 г., написанном кириллицей: «А сую гра[мо]ту нам, немьцем, и вам, полочаном, межи себе крѣпко держати». В конечном протоколе послания термин «грамота» отсутствует: «А писал(о) в лѣт(о)», что может быть, относится к существительному среднего рода (например, к «посланию»). К сожалению, неизвестно, где и кем был сделан перевод с немецкого (или латыни?) — в самой ли Риге полочанином или в Полоцке местным грамотеем. Появление страдательной формы глагола в среднем роде указывает скорее на Ригу, ибо в полоцком проекте 21 июня того же 1405 г. употреблен термин «грамота». С другой стороны, в послании полочан ливонскому магистру от 7 ноября 1404/1414? г. в конечном протоколе значится неопределенно: «а писано у Полочку....», и это не оставляет сомнений в том, что в Полоцке также употреблялась подобная форма глагола в среднем роде. В купчей полоцкого архиепископа Симеона (пока неясно I или II и соответственно либо 1415–1436, либо 1452–1458 гг.) термин «грамота» встречается в последний раз. Подобное словоупотребление может быть объяснено разными обстоятельствами — большей консервативностью владычной канцелярии, не имевшей столь же оживленных сношений с Ригой и литовской верховной властью, как иные городские власти, либо самим характером документа, так как в сфере постоянной переписки с литовской канцелярией усвоение нового термина должно было происходить быстрее, чем в актах, касавшихся одной только Полоцкой земли.

¹² Подобное словоупотребление опровергает мнение А. Балюлиса о том, что в литовской канцелярии лишь писали кириллицей, но говорили на языке, полном полонизмов (см. ниже).

Таким образом, ясно видно, что и договоры в сфере рижско-полоцких отношений и послания классифицировались общим для разного типа документов термином «грамота». Очевидно, что еще не сформировалось представления о типах документации и всякое написанное слово, будь то в сфере коммуникаций или права, получало единое наименование «грамоты».

Однако в начале XV в. появились первые намеки на различение документов в зависимости от их функционального назначения. Глагол, относящийся к собирательному существительному женского рода, в отдельных случаях мог употребляться даже в мужском роде. В жалованной Витовта рижанам на строительство церкви в Полоцке от 17 мая 1405 г. при наличии термина «грамота» («дали есмо сю нашу грамоту») в конечном протоколе глагол появляется не в среднем, а в мужском роде («писан у Вилни...»). В этом несоответствии можно обнаружить намек на то, что автор документа думал не только о грамоте, но и о «листе», заимствованным из польского языка термине, вошедшем в самом Полоцке в употребление значительно позднее.

В полоцком проекте 21 июня 1405 г. термин «грамота» наличествует только в конечном протоколе: «А писана быс(ть) грамот(а)». 14 мая 1407 г. полочане подтвердили Копысский мирный договор Витовта и Риги. В начальном протоколе читаем: «Мы, мужи полочане, даем ведати, кто ни сию грамот(у) узрит(ь)» и в конечном — «А писана быс(ть) грамот(а) ся оу Могилевъ» .

Широкое значение термина «грамота» в том числе и для обозначения договорного акта постепенно сменялось более узким. Не только городская администрация, но и полоцкие наместники великого князя литовского свои послания в Ригу именовали «грамотами». Так, Иван Семенович в предложении полочанину Климяте от 26 августа 1409 г. о возобновлении торговли с Ригой и урегулировании имущественных споров именовал документ «грамотой» и в диспозиции, и в конечном протоколе: «с тою грамотою послали доброго человека Климяту»; «А писан(а) бысть сия грамот(а)» .

На протяжении 1410–20-х гг., судя по редким сохранившимся документам, термин «грамота» практически вообще исчезает. Лишь в начале 30-х годов анонимный княжеский наместник и «мужи полочане» этим термином по инерции называют послание рижан, скрепленное печатью. Это, кажется, последний случай употребления термина «грамота» для обозначения послания.

В начале же 1440-х гг. полоцкие бояре и местичи, рассматривая торговый спор рижан с полочанами, упоминают о том, что «Филипп, ваш ратманин, грамоту на себе дал». В данном случае слово «грамота» выступает в качестве документа, может быть обязательства, а не просто послания, как это было в большинстве вышеуказанных случаев.

* * *

В конце XIV — начале XV в. в посланиях церковных иерархов, — в частности, архиепископа Феодосия, — встречается термин «писания» по отношению к посланиям рижских ратманов. Сам термин восходит к лексике церковных текстов, хотя и применяется к светским посланиям католиков. Подобный факт свидетельствует о том, что в практике церковных иерархов не сказывалось то неприятие католичества, которым пронизаны церковные и некоторые летописные тексты.

В первой половине 40-х годов XV в. для обозначения писем посланий появляется новый, не употреблявшийся ранее термин. Полоцкий наместник Ивашко Гойцевич в 1441–1444 гг. свои послания в Ригу именует «наши листы». Этот же термин употребляет наместник полоцкого воеводы Андрея Саковича Омельян в 1445–1458 гг., требуя прислать ответ на «лист наш» со своим посланцем. Таким образом, на протяжении середины 1430-х — 1440-х годов произошли серьезные изменения в терминологии письменной культуры полочан. Древнерусское слово «грамота» полностью уступило место польско-старобелорусскому «лист».

В чем тут дело — в авторстве ли посланий, так как бояре и местичи еще помнили прежнее словоупотребление, а великокняжеский наместник принес с собою в Полоцк традиции виленской великокняжеской канцелярии, постоянно испытывавшей влияние коронных традиций? Или в чем-либо ином?

Возможны и иные объяснения, связанные с политической историей Великого княжества Литовского, в 1430–1440-е годы переживавшего бурные события династической распри в Великом княжестве Литовском, которые сопровождались серьезными демографическими сдвигами — перемещением массы населения (добровольном и принудительном для участия в династических войнах и сражениях) и как следствие знакомством с польской культурой, и,

в частности, терминологией. Но каковы бы ни были конкретные обстоятельства смены терминологии, самый факт этой смены не подлежит сомнению.

Начальный протокол

Попытаемся сравнить эволюцию самоназваний полоцких посланий с видоизменениями в начальном протоколе документов, созданных представителями разных социальных слоев города (в начальный протокол входит так называемое богословие, инскрипция — характеристика адресата, интитуляция — характеристика автора послания, салютация — приветствие). Вышерассмотренный пример грамоты/листа отнюдь не единичный. Если обратиться к формулам инскрипции и интитуляции полоцких посланий, то можно обнаружить сходные языковые переменные. Формуляр писем вообще подвергается преобразованию скорее, нежели нарративная или диспозитивная части.

С течением времени менялась сама структура начального протокола. В середине XV в. или, вернее, в 60-ые годы, поменялись местами интитуляция и инскрипция, которая стала предшествовать интитуляции, приблизившись к современным нормам коммуникационного этикета. В дальнейшем попытаемся ответить, под влиянием каких факторов это произошло.

Богословие

Знаменитое послание епископа Якова, передатированное А.В. Кузьминым с 1309 на 1308 год [Кузьмин 2010], открывается символическим богословием в виде креста. Таким же образом открывается и верительная грамота полоцкого архиепископа с 1406 г. Феодосия 1407/1409—1415 гг. В 1440-х гг. и полоцкий «владыка» Симеон, пользовавшийся поддержкой Казимира Ягеллончика, как и следующий владыка Калист, предварял свои послания рижским ратманам изображением креста.

Однако символическое богословие характерно не только для посланий полоцких епископов и архиепископов. Коллективное послание полоцкого наместника князя Григория и «муж полочан» снова содержит символическое богословие. Из этого можно с полной определенностью заключить, что князь Григорий был православным

(впрочем, символическим богословием в виде креста открывались и рижские послания в Полоцк в конце XV в.), и предположить, что послание было отправлено в более раннее время, чем предполагалось в 1977 г. — скорее всего, в первое десятилетие XV в.

В 1407 г. в подтвердительной «мужами полочанами» Копысского договора имеется такое же символическое богословие, как и в грамотах епископа Якова и архиепископа Феодосия. Оно же открывает коллективные послания пана В.Д. Корсака, наместника воеводы Андрея Саковича — пана Олехны и всех полоцких бояр 1445–1448 гг., двух наместников Андрея Саковича — пана Омельяна и Ивана, бояр и местичей, неизвестного по имени наместника, бояр и местичей, индивидуальное — того же Омельяна, названного «слугой наместника», еще одного наместника воеводы — Ивана и, наконец, самого воеводы Андрея Саковича. Последний считал необходимым удостоверить даже судную символическим богословием, как-то было в единственной сохранившейся донине в архиве Меницких грамоте. В верительной полоцким послам 1459 г. крестом начинался и адрес на обороте послания. Четырьмя и пятью годами позднее, в 1463 и 1464 гг., полоцкие местичи также снабдили своих послов в Ригу верительными с изображением креста. Очевидно, что православное население Полоцка пользовалось покровительством Казимира Ягеллончика в бытность его великим князем, причем в такой степени, что уже по избрании литовского князя королем в 1449 г. полоцкие местичи отправили в Ригу послание с весьма своеобразным начальным протоколом: за формулой «Божьею милостью и великого короля¹³ здоровьем» шло символическое богословие и интитуляция И позднее — в 1449–1551 гг. местичи, уповая на божью милость, не пропускали символического богословия в своих посланиях.

¹³ Словосочетание «великий король», дожившее до первых десятилетий XVI в., может быть интерпретировано как контаминация двух титулов — литовского князя, который с 1392 г. превратился в «великого», и польского «короля». Одновременно это словосочетание придавало носителю верховной власти в двух государствах, соединенных личной унией, особый престиж. В памятниках русской письменности того же времени вариант этого словосочетания — «литовский король», возникший, вероятно, как заимствование из устной и письменной традиции Великого княжества Литовского, автором настоящей статьи ранее ошибочно воспринимался как свидетельство недостаточной осведомленности о государственном строе западных соседей.

Отнесение послания местичей со своеобразным распределением элементов начального протокола к 1449 г. в контексте посланий самого короля, условно датированных в 1977 г. 1461 и 1463 годами, представляется ныне спорным. Ведь почти таким же образом графически были оформлены два послания самого короля и великого князя литовского Казимира. За развернутым титулом следовало указание «Сам», а на новой строке располагались символическое богословие и инскрипция — «Ратманом ризским».

Политику поддержки православия продолжал и Петр Монтигирдович, сменивший Андрея Саковича на посту полоцкого воеводы. В своем индивидуальном послании рижским ратманам конца 1450-х гг. он не преминул поставить крест в начальном протоколе. Ситуация изменилась при Олехне Судимонтовиче, послания которого в Ригу не имели обычного символического богословия.

В начале XVI в. возникла особая формула «Во имя божое стансе», которой была дополнена копия данной грамоты Ярослава Изяславича В публикации 1977 г. отнесена (по-видимому ошибочно) к XIV в. запись духовной Ивана Никоновича Дементьева в евангелии XII в., содержащая развернутое богословие «Во имя Отца и Сына и Святого духа». Скорее всего, ее следовало бы передатировать концом XV в.

Интитуляция

Княжеские и наместничьи послания и привилеи.

подавляющее большинство посланий в Ригу шло от имени одного князя литовского. Особенно многочисленны послания великого князя Витовта/Александра рубежа XIV–XV вв. и начала XV (№№ 19–25, 27, 31–32, 36, 37). Сигизмунду Кейстутовичу принадлежит одно подтверждение Копысского договора в 1439 г. (№ 52а), о чем уведомил и вторую договаривавшуюся сторону. Переписывался с Ригой и Ливонским магистром Казимир Ягеллончик, энергично защищая интересы полоцкой торговли и его купечества). Он, как и Сигизмунд Кейстутович, подтвердил договор 1407 г.

Послания полоцких князей составлялись — в зависимости от адресата — либо на латыни, либо на русском, либо на немецком языке. На латыни последний полоцкий князь Андрей именовал себя «rex in Ploskovia», литовский князь (dux). Скиргайло свое положение в Полоцке в 1387 г. определял словом dominus, которое соответствует

термину «господин». Подложное пожалование Борисоглебскому монастырю мельницы на р. Бельчице фальсификатором (скорее всего XVI в.) было приписано «полоцкому князю» Ярославу Изяславичу.

Казимир Ягеллончик выступал в качестве *koning des reiches zcu Polen und grosfurste zcu Littawven und Reussen*. Коронавание Казимира в 1447 г. и сосредоточение им верховной власти в Великом княжестве Литовском и Короне Польской сопровождалось упрочением его положения на всех этих территориях, мимо чего, конечно, не могли пройти и его собственные воеводы в отдельных городах. С этим процессом оказался связанным и термин «великой король», объединивший титулы Казимира в двух разных государствах. Этот термин проник и в летописи, возникшие за пределами подвластных Казимиру территорий — в Великом княжестве Владимирском и Московском, в Новгороде и Пскове. К сожалению, этот средневековый термин встречается иногда и в научных сочинениях наших современников, недостаточно четко понимающих специфику двух более западных соседских государств, в средневековье объединенных личной унией, а в 1569 г. создавших общее государство — Речь Посполитую.

Вдова князя Андрея называла себя просто «княгиней», без указания географической соотнесенности. Наместники князей фигурируют в трех своих посланиях в Ригу в качестве «воеводы» (Семен Гедиголдович; Андрей и, видимо тот же Андрей, но названный с отчеством Сакович) или «полоцкого наместника» (Федор, Немир, Иван Гойцевич). Наряду с ними или в периоды отсутствия великокняжеского наместника появляются лица более низкого ранга: то «слуга наместника» (Омельян — слуга наместника Андрея), то «наместник воеводы» (аноним и Иван). Изредка они не сообщают ни своего имени, ни должности, ограничиваясь известием о приезде в город, во главе которого должны стоять (видимо, так ухитрился написать в Ригу Андрей Сакович). Судя по временам династического кризиса 30-х годов XV в., даже наместник великого князя или его воевода в городе пребывали нечасто и недолго, ограничиваясь направлением туда первый — своего «слуги», второй — наместника, но уже не великого князя, а собственного, то есть воеводского. Однако даже эти разрозненные сведения дают некоторое представление о иерархии представителей верховной власти в городе. Но эта же характеристика «слуги осподаря великого короля» свидетельствует об изменении статуса самого Казимира Ягеллончика в городе Полоцке.

Послания горожан и совместные — князя/наместников и горожан

Коллективное авторство посланий образовывалось разными способами (это могли быть представители одной или нескольких социальных групп), но, судя по отложившимся в рижском городском архиве материалам, преимущественно с одной главной целью — создать максимально благоприятные условия для развития полоцко-рижской торговли — в интересах и во благо всего города.

Незначительная часть посланий была написана одними горожанами — в середине XV в. именовавшимися «местичами». Авторы городских посланий, коренные жители города, представляют себя то как «все полочане» в 1400–1407 г. или «мы полочане» 7 ноября 1404/1414 г. и 21 июня 1405 г. В это время термин не имеет никакого социального оттенка, обозначая лишь территориальную принадлежность авторов и некую их сообщность в пределах одного поселения. Несколько иную трактовку в 2005 г. предложил Ст. Родевальд. Общее понятие «полочане», совпадающее с другим — «люди», включало все население земли, но в первую очередь горожан. Ученый обратил внимание и на то, что для епископа Якова полочане были «детьми» и находились под его защитой, принадлежа к его «familia». Действительно, епископ заботился об окормлении своей паствы (в самом широком смысле слова) и обещал рижанам соблюдать их права. При этом он именовал адресатов своего послания тем же термином «дети», не различая католиков и православных. Религиозная толерантность в Полоцке привела в исторической перспективе к довольно быстрому расширению владений Полоцкого иезуитского коллегиума, основанного Стефаном Баторием на следующий год после освобождения города от российских властей — в 1580 г. Энергичному первому ректору коллегиума Петру Скарге уже в 1582 г. удалось заполучить многие православные храмы, в том числе и знаменитый Спасо-Евфросиниев монастырь.

В двадцатые и тридцатые годы XV в. появляется новое сочетание «мужи полочане», при этом термин «муж» полисемантичен, имеет значение и свободного, и знатного, и равного. Впервые этот термин появился в послании полоцкого наместника Монтигирда предположительно в 1396 г., полоцкой подтвердительной Копысского договора 1407 г., затем князя Ивана Семеновича Бабы Друцкого 26 августа

1409 г. с определением «все» (в немецком послании того же князя между 11 и 26 августа 1409 г. это — *man*) Так же без подробного определения соавторов послания обошелся князь Григорий, возможно, его послание предшествовало 1409 г. и может быть отнесено к 1407–1409 гг.

В начале 30-х годов это словосочетание детализируется, и формула приобретает следующий вид: «от всех муж полочан от мала и до велика» или «от велика и до мала». Три выше цитированных послания (№№ 50–52) написаны от имени наместника (анонимного и знаменитого пана Василия Дмитриевича Корсака в начале 30-х годов). Последнему принадлежит и послание зимы 1435–1436 гг., где Корсак еще не назван наместником, а лишь «польским» термином «пан». Он соответствовал латинскому *dominus* и немецкому *Heig* (господин). Путь этого термина в Полоцк, по теории Н.Н. Яковенко, в середине — конце XIV в. пролег из Чехии в Галицко-Волынскую Русь, где король Казимир усердно насаждал новые порядки с помощью немцев, а оттуда попал и в Полоцк, который был передан Свидригайле в конце предшествующего столетия, поэтому и утвердился раньше. В развитие положений Городенской унии 15 октября 1432 г. Ягайло предоставил князьям и боярам ВКЛ Львовский привилей, даровавший им (*principes, nobiles et boiaros Ruthenorum*) все те права, которыми пользовали их польские современники. В результате в 1440-е гг. термин «пан» распространился на всей территории ВКЛ.

II б. В послании В.Д. Корсака зимы 1435/36 гг. в интитуляции впервые возникает еще одно польское слово — «посполство», как собирательное определение социального слоя/единства, заменившее описательные выражения «от мала и до велика» или «от велика и до мала». Одновременно с термином «посполство» в интитуляции появилось определение двух верхних социальных прослоек — «бояре полочкие» и «местичи». Сначала одних бояр. Послание полоцкого воеводы Прижкента, условно датированное 1439 годом, было первым, где до упоминания «всех муж полочан» были названы «вси бояре». Против предлагаемой передатировки говорит, однако, отсутствие термина «посполство». В послании Ивана, наместника полоцкого воеводы Андрея Саковича, упомянуты бояре и все посполство (№ 81. 1448?).

Позднее к боярам были добавлены и «местичи». Сохранилась две грамоты от имени местичей (№№ 68, 69), первая — отправленная исключительно местичами и мужами полочанами, где речь шла о нарушении рижанами запрета розничной торговли в корчмах (прежде

всего пивом). В публикации 1977 г. она отнесена к 1445–1458 гг. с возможным ограничением одним 1445 г. (№68). Анализ интитуляции склоняет к более ранней датировке послания местичей — может быть даже к началу 30-х годов. Вторая, в публикации датированная так же, написана «от местичов полоцких и от всего поспольства» (№69). Они просили рижских ратманов сообщить им содержание речей их «братьи» в ратуше. Выступление местичей независимо ни от наместника, ни от бояр показывает и разнородность того поспольства, которое сформировалось в ходе династической войны в Великом княжестве Литовском.

Однако видимо до разногласий среди поспольства в 40-ые годы дело не дошло. Интересы торговли цементировали общество средневекового Полоцка. Приблизительно около 1448 г. в Ригу было отправлено послание «от бояр полоцких и от местичов и от всего поспольства» (№86). Как бы ни протекали взаимоотношения местичей и бояр-панов, формула интитуляции в конце 40-х годов приобрела следующий вид: «от бояр полоцких и от местичов и ото всех муж полочан всего поспольства», которая сохранялась и много позднее, начиная с 1465 г.

В конце 50-х годов вошло в употребление и наречие «посполито» («от бояр полоцких и от мещан и от всех посполито» (в инскрипции городского послания от 9 августа 1459 г.) или «посполите» 1463 г. (применительно и к полочанам, и к рижанам). Наречие образа действия содержит некий намек на коллективные акции или совещания (соймы всего городского населения).

В целом можно заметить, что самоопределение полоцких жителей проделало на протяжении XV в. значительную эволюцию, заключающуюся, с одной стороны, во внедрении иностранных терминов для определения социального положения отдельных лиц — «пан» и социального слоя/единства горожан — «поспольство», с одной стороны, и, с другой, — в детализации социального состава города и земли.

Видимо, сложная политическая ситуация в Полоцке, который считал своим законным князем Свидригайла, появившегося в 30-е годы в городе после каждого неудачного выступления против конкурента на литовский трон — Сигизмунда Кейстутевича, ускоряла там процесс внутренней социальной дифференциации, который и отразила эволюция интитуляции коллективных посланий полоцкого наместника и городского населения.

Несколько неопределенная формулировка «бояре, мещане и все поспольство» не позволяет решить вопрос об институализации городского управления. Однако активность переписки и вмешательства в судопроизводство (причем международное) этого недостаточно оформленного органа не оставляет сомнения в том, что он — как орган городского управления — существовал¹⁴. А.И. Груша полагает, что в Полоцке уже до получения магдебургского права действовал местный писарь («дьяк»¹⁵), который в отличие от виленского (должностного лица городского магистрата), не только составлял, но и переписывал текст документа, выполняя функции нотариуса (?) и указывает три подобных частно-правовых документа крестьян (на самом деле однодворцев) и мещан (два 1482 и 1493 гг. подготовлены Борисом Челядничем и один 1498 — руки Трофима Болотовича [Груша 2011а: 271; Груша 2011б: 51]. При этом автор неправильно толкует употребление «клеин» (неверна и идентификация их как бортных знаков, они могли быть и товарными знаками). Но ни о какой замене печати клейнами речи не было. В первом случае клейна принадлежали свидетелям продажной, которые ими удостоверяли самый факт своего присутствия при сделке и написании документа, а во втором — одноземцам, продававшим свою землю [Полоцкие грамоты 1980: 71, 83; Груша 2011а: 276–278]. Можно предположить, что и ранее — уже с 1466 г. существовала некая городская канцелярия, мысль о которой А.И. Груша отвергает только потому, что «в отличие от правовых документов послания не подписывались писарями», а «подготавливались опытными писцами». При этом он знает, что таким лицом в течение 1466–1487 гг. выступал Артём Буцков Тулубей, в немецкоязычном послании полочан названный писарем («*schriver*»), как и в рижских расходных книгах. Пожалуй, я больше склонна верить рижским ратманам и их писарям, нежели современному исследователю, которого не убеждает непровергнутая им цифра приписанных составительницей Псковских грамот документов (больше десятка) Тулубею [Полоцкие грамоты 1978:

¹⁴ Пожалуй, ситуацию в Полоцке можно сравнить с новгородской, где классификация городской власти довольно поздно была закреплена специальным термином «господа». Ср. [Лукин 2012].

¹⁵ Термин «дьяк» — еще одно заимствование из «московского» диалекта. Примечательно, что оба термина — «купля» и «дьяк» происходят из торгово-административной сферы, что свидетельствует о социальном положении полочских «носителей» или «приносителей» этих заимствований.

43, 46, 52, 54, 60, 78, 80, 82, 83, 98, 105, 106, 108, 123; Полоцкие грамоты 1982: 80–82, 85, 86, 93–95, 103]. Все перевешивает сообщение о дипломатическом поручении Тулубею, как «городскому слуге». «Слуги» были и у короля, и у полоцких наместников; они честно заменяли своих патронов, подобно Тулубею, представлявшего в Риге свой город. «Слуга» — это отнюдь не гонец, как полагает А.И. Груша.

Но эта же характеристика — «слуги осподаря великого короля» — свидетельствует об изменении статуса самого Казимира Ягеллончика в городе Полоцке. Коронование Казимира в 1447 г. и сосредоточение им верховной власти в Великом княжестве Литовском и Короне Польской сопровождалось упрочением его положения на всех этих территориях, мимо чего, конечно, не могли пройти и его собственные воеводы в отдельных городах. С этим процессом оказался связанным и термин «великой король», объединивший титулы Казимира в двух разных государствах.

Опираясь на поддержку великого князя и короля, полоцкие местичи в одной из грамот 1449–1451 гг. гордо объявляли рижанам: в случае нарушения порядка торговли и продажи фальсифицированных товаров «... мы к вам от том фальши не будем послати, уж пошлем до милостивого короля. Есть у нас осподарь, кому нас оборонити». Одно из посланий местичей 1449 г. открывалось апелляцией к Богу и королю: «Божьею милостью и великого короля здоровьем».

Термин «*купцы*» впервые употреблен в послании полоцких местичей, где они подвергли критике качество всех импортных товаров — сукон, соли, сельди, часть которых, возможно, реэкспортировалась на восток — в Москву или на северо-восток — в Новгород, торговля с которыми процветала уже в начале XV в. Судя по наличию описок, довольно многочисленных, можно предполагать, что послание было составлено отнюдь не в воеводской канцелярии (образцы почерков этих писцов отличаются от почерка рассматриваемого послания). Достаточно категоричный тон послания местичей также отличается от воеводских листов: Андрей Сакович, угрожая в случае невыполнения его требований выдачи торговчика Пронки Тупичинича задержать в Полоцке трех рижан, добавляет «...пак ли не выдасте, вы ж на нас хотите дивитъ, а хотите не дивите», что несколько смягчает предупреждение. Купцы-местичи решительно напоминают, что уже не впервые обращаются к Риге в связи с «хвалшью», несмотря на это — упрекают он рижан — «вы нам в том не исправляетеся» и не возмещаете убытков — «щкоты».

Да и сами местичи в этом только что процитированном послании к формуле своей обычной самоидентификации добавили термин «купцы», впервые встретившийся в полоцком письменном наследии и поэтому представляющийся не вполне уместным в контексте внутренней ситуации Великого княжества Литовского. Позднее он временно утвердился в переписке с Ригой. Неназванный по имени и должности воевода осенью 1446 г. активно вступился за «купцов» полочан, которым ливонский магистр запретил торговать в Риге, захватил их товары и корабли. В ответ на возмещение убытков «князя великого купцом полочаном» он обещал предоставить «вашим купцом ризким путь чист к Витебску и Смоленску». Полоцкий воевода Андрей Сакович, в 1450—1458 гг., заботясь о возмещении убытка за коня Сергея Мошневича, честно предупреждал: «Пак ли нѣ заплатитѣ конѣ, ино велим здесьъ вашихъ купцов, правыхъ людѣй, пограби-ти». На этот раз вновь вошедший в полоцкий диалект термин приложен к рижским бюргерам, а через 10 лет — ко всем участникам полоцко-рижской торговли.

9 августа 1459 г. новый воевода Петр Монтигирдович или его писарь употребляют прилагательное от рассматриваемого существительного. Он настаивает на сохранении традиционного порядка полоцко-рижской торговли: «...старого докончанья с полочаны на обе стороне ... купецкого дела ни в чом не рушити». В воеводском послании 1465 г. в том же значении действия появилось существительное «купля». Воевода, сообщая о прекращении «поветрия», предлагает рижанам возобновить поездки в Полоцк, «бых промеж себѣ куплю мели».

Итак, на протяжении 1440—1459 гг. новый термин обрел права гражданства в Полоцке. Представляет интерес история его появления в Великом княжестве Литовском. Кажется, ветер, который занес в Полоцк термин «купцы», дул с востока, поскольку в более восточных государственных образованиях этот термин употреблялся постоянно. В 1449 г. в очередной раз происходило «упорядочение» отношений двух Великих княжеств Литовского, Руского, Жемайтского и Великого княжества Владимирского и Московского. А с каждым посольством в Москву, как правило, прибывали и торговцы, ведущие широкую международную (как правило, караванную) торговлю. С ними-то, видно, проник и утвердился в Полоцке термин «купец».

В последней трети XV в. этот термин приобрел широкое распространение в Полоцке. «Промежи нами есть у вечных записех на обе

стороне не отмовлено и не записано, штобы *купцом* не призволено выменяючи которым товаром не торговати, вашим рижаном у нас у Полоцку, а нашим у вас у Ризе». После получения известия о прекращении эпидемии в Риге бояре поспешили пригласить к себе «купцов» из Риги). Таким образом, «московский» диалект общерусского дал о себе знать вкраплением отдельного термина («купец», обусловленного упрочением и расширением полоцких торговых связей вплоть до Москвы).

На этом частном примере истории термина подтверждается мысль Кл. Цернака о том, что во второй половине XV в. полоцкого региона всей восточнославянской Руси достигали представления и той Руси, которая с легкой руки западных соседей именовалась «Московской».

Индивидуальные послания полочан

Индивидуальные письменные контакты полочан со своими «зарубежными» торговыми партнерами — это явление сравнительно позднее, шестидесятых годов XV в. Полоцкие мещичи вступили в переписку со своими контрагентами после распространения письменного акта в торговых сношениях полочан и рижан. На смену устному договору, сопровождавшемуся рукопожатием — «рукобигием-рукоемством», пришел письменный договор между частными лицами, получивший название «запис» и получивших силу если не закона, то правового обязательства. Конфликтные отношения контрагентов пострадавшие пытались урегулировать в письменной форме. Об этом известно лишь по упоминаниям в листах полоцких и рижских властей. К сожалению, не сохранились ни «лист» Зесембека к Ивану Варушиничу, ни Андрея Филимоновича к Зесембеку, оспаривавших упреки в нарушении обязательств, данных согласно «запису». Видимо, правовое сознание ни рижан, ни полочан не доросло до осознания необходимости сохранять личные архивы. И о существовании подобных соглашений-записов известно лишь из посланий официальных полоцких властей. При продаже золы Прошкой и Мелешкой Ганусу Тимофееву продавцы и покупатель «лист о то записали про меж себе», однако рижанин не хотел его отдавать, хотя и получил всю обещанную золу. Бояре и мещане и все посольство требовали, что-бы тот отдал лист, «иж бы удвое не было плачено».

Несколько лучше в сохранившемся корпусе полоцких посланий представлены письма отдельных бояр, прежде всего Корсакова. Остафий Васильевич, направляя в Ригу своего слугу Ивана Похистку «для своих потребизн»¹⁶, сообщал о своей радости от известия о благополучии в семье бургомистра Иоганна Шонинга «А рад бых, добродородный и почестливый, велебный и шляхотный, ростропный¹⁷ и опатрный¹⁸ мужу брата моего милого и твоей милости паней, мое милое невестьки, и ваше милости милых детеи, которых Вашей милости милый Бог дал. А коли слышим здоровье вашей милости, тогда о то велми радуемся и тым веселимся». Теплое родственное чувство, которым окрашено это письмо, все-таки не дает уверенности в том, что полоцкий боярин стал действительно свойственником рижского бюргермейстера, хотя употребленные Корсаком термины «брат» и в особенности «невестка» вроде бы указывают на фамильную связь. Однако если принять во внимание, что слово «брат» бояре и мещане употребляли по отношению к полоцкому послу в Ригу — пану Андрею Селяве, то можно думать, что и в письме О.В. Корсака оно обозначало или социальное, или равное (равноправное) положение.

Проведенный анализ показывает динамику распространения письменной культуры в городском обществе Полоцка и на территории Полоцкой земли (прежде всего в среде однодворцев, превращавшихся в субъект права, однако с некоторым опозданием — с началом исчезновения этой социальной прослойки). Наряду с канцеляриями воевод, их наместников и слуг действовали владычные канцелярии. Можно с уверенностью утверждать, что с середины XV в. существовали более или менее стабильные городские канцелярии — бояр и мещан. Распространялась и грамотность в среде мещан, прежде всего в сфере торговли с рижанами для оформления сделок, по преимуществу кредитных.

Отчетливо прослеживается утверждение письменного документа и в сфере торгово-правовых отношений. Однако здесь не наблюдается формирования специфически правовых терминов. Дифференциация их происходила довольно медленно. Выше уже шла речь

¹⁶ Этот термин — если не чистый полонизм, то лингвистическая проекция старопольского на старобелорусский.

¹⁷ Ростропный — несомненный полонизм, несколькими столетиями позже М.В. Ломоносовым переведенный как «быстрый разумом».

¹⁸ Опатрный (полонизм) — предусмотрительный?

о записях, как документах, регулировавших отношения продавца и покупателя. Однако тем же термином «запис» обозначались и договоры Полоцка с Ригой и ливонским магистром. Так, в послании 1468 г. читаем: «Немца, который держал («продавал») корчму, судили подлуг записов И знашли его в том виноватаго и послали его есмо до вас, и ваша бы милость там его казнили по своему праву» На подобное же понимание термина «запис» как договора, указывает послание Олехны Судимонтовича 1466 г.: «Ваша милость ведаете, как у вечных записох межи нашими и вашими стоит, што ж рижанину блюсти полочанина, как и своего, а полочаном блюсти рижанина, как и своего».

Главным правовым принципом отношений полочан и рижан была взаимность соблюдения права. «Здесь також вашим справедливость бывает», — уверяли полочане в 1465 г. И со своей стороны бояре и мещане и все посполство требовало от приятелей и сусед, «штобы ваша милость там нашим во всем справедливость чинили, как же и своим, бы там от ваших щкоды и кривды и посмеха не было жадному нашему».

* * *

Подводя предварительные итоги анализа когнитивного кода договоров, посланий и части привилеев великокняжеской власти как источника по социальной истории, коммуникации между отдельными социальными слоями и рижскими партнерами, можно отметить, что терминология полоцких грамот вплоть до 20–30-х годов XV в. обнаруживает сходство с такими памятниками раннефеодального периода, как Русская и Салическая правды. Полоцкое общество долгое время предстает нерасчлененным. Ускорение развития, выделение прослоек бояр и местичей происходит в 30-ые годы XV в. Однако перед зарубежными партнерами в посланиях последующего времени предстает идиллическая картина единого «посполства», основанно-го на принципах справедливости и равенства с рижанами.

Список литературы

Акты 1868 — Русско-ливонские акты, собранные К.Э. Напьерским, изданы Археографической Комиссией. СПб, 1868.

Балюлис 2005 — *Балюлис А.* Реплика к вопросу о правилах издания Литовской метрики // *Новости Литовской метрики.* 2003. № 7. Вильнюс, 2005.

Валк 1922 — *Валк С.Н.* Рец. на: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг, 1922.

Варонин 1996 — *Варонин В.А.* Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радавода: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 1996.

Варонин 2002 — *Варонин В.А.* Друцкія князі XIV стагоддзя // Беларускі Гістарычны Агляд. 2002. Сш. 1–2 (16–17).

Грамоты 1857 — Грамоты, касаючыся до сношений Северо-Западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках. Найдены в Рижском архиве К.Э. Напьерским и изданы Археографическою Комиссиею (с 8 литографическими снимками). СПб, 1857.

Груша 2010 — *Груша А.І.* Мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV–першай трэці XV ст. Мінск, 2010.

Груша 2011а — *Груша А.* Насколько полным должно быть описание печати при издании актовых источников эпохи Средневековья? // Сфрагистичний щорічник. Київ, 2011.

Груша 2011б — *Груша А.І.* Дакументы як сродак пісьмовай камунікацыі паміж палачанамі і рыжанамі ў канцы XIV — пачатку XVI ст. // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі даследаванняў // Зборнік навуковых прац міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 160-годдзю да дня нараджэння А.П. Сапунова (Полацк, 21–23 красавіка 2011 г). У 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Д.У. Дука, У.А. Лобача. Новаполацк: ПГУ, 2011.

Груша 2012 — *Груша А.І.* Письменная культура X — первой трети XVI в. // Древнейшие города Беларуси: Полоцк, Минск: Беларуская навука, 2012 / Под ред. А.А. Коваленя.

Каштанов 1976 — *Каштанов С.М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. 8. Л., 1976.

Кузьмин 2005 — *Кузьмин А.В.* Войшелк, первый правосл. вел. кн. литовский // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 220–221.

Кузьмин 2007 — *Кузьмин А.В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XII — начала XIV в. Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28).

Кузьмин 2010 — *Кузьмин А.В.* Грамоты, связанные с деятельностью полоцких епископов и архиепископов в XIV — середине XVI вв., как источник по истории Полоцкой епархии // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2.

Кузьмин, Пятнов 2004 — *Кузьмин А.В., Пятнов А.П.* Правители Полоцкой земли во второй половине XII — начале XIV в. (актуальные проблемы хронологии и генеалогии) // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов — 2003». История: сборник тезисов / Отв. ред. В.П. Богданов. М., 2004.

Лаппо-Данилевский 1920 — *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

Лукин 2012 — *Лукин П.В.* Существовал ли в средневековом Новгороде «Совет господ»? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2012. № 1(47).

Пашуто 1959 — *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

Полоцкие грамоты 1977 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. В 4-х вып. / Сост. А.Л. Хорошкевич, отв. ред. А.А. Зимин. М., Институт истории СССР АН СССР, 1977. Вып. I.

Полоцкие грамоты 1978 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. В 4-х вып. / Сост. А.Л. Хорошкевич, отв. ред. А.А. Зимин. М., Институт истории СССР АН СССР, 1978. Вып. II.

Полоцкие грамоты 1980 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. В 4-х вып. / Сост. А.Л. Хорошкевич, отв. ред. А.А. Зимин. М., Институт истории СССР АН СССР, 1980. Вып. III.

Полоцкие грамоты 1982 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. В 4-х вып. / Сост. А.Л. Хорошкевич, отв. ред. А.А. Зимин. М., Институт истории СССР АН СССР, 1982. Вып. IV.

Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подг. Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. М., 1963.

Тимченко, Лифшиц 2003 — *Тимченко Т., Лифшиц А.* К вопросу об издании Литовской метрики // Новости Литовской метрики. 2002. № 6. Вильнюс, 2003.

Hansisches Urkundenbuch 1899 — Hansisches Urkundenbuch. Hg. von K. Kunze. Leipzig, 1899.

Rodewald 2005 — *Rodewald St.* «Vom Polocker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh bis 1914). Stuttgart, 2005.

Stang 1938 — *Stang Chr.* Die Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1938.

Urkundenbuch 1853–1910 — Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. I–X. Bd. I (1093–1300). Hg. von F. G. von Bunge. Reval, 1853; Bd. II (1301–1367). 1855; Bd. III (Nachträge zum I und II. Bände und Fortsetzung bis 1399). 1857; Bd. IV (1394–1414). 1859; Bd. V (1414–1423). Riga, 1867; Bd. VI. Riga, 1873 (Nachträge, Schluss); Bd. VII (1423–1429). Hg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1881; Bd. VIII (1429–1435), 1884; Bd. IX (1435–1443). 1889; Bd. X (1444–1449). Hg. von Ph. Schwartz. 1896; Bd. XI (1450–1459) /Hg. von Ph. Schwartz und L. Arbusow (Sen.). 1905; Bd. XI (1460–1471) / Hg. von Ph. Schwartz und Aug. von Bulmering. 1910.

А.В. Бразгунов (Минск)

Переводной роман в Беларуси XVI–XVII вв.: трансформация формы и идеи

Генезис западноевропейского романа неоднороден, к тому же не до конца выяснен в современной медиевистике и вопрос о литературном влиянии в истории становления данного жанра. Однако на основе почти двухсотлетней истории изучения романа — начиная с «Истории художественной прозы» (1814) Дж.К. Данлопа — понятно, что в кристаллизации жанра участвовали, с одной стороны, крупные эпические жанры (народный героический эпос, исторические хроники, агиография), с другой — малые, предвестники позднейшей новеллы — фаблю, фацеция, *exemplum*, анекдот и т. д. Поскольку роман стал продуктом взаимодействия разножанровой поэтики, он оказался более ёмким как в плане отражения действительности, так и по богатству структурно-композиционных элементов. Наиболее точно сущность данного процесса, как нам кажется, подмечена А.В. Липатовым: «Он (роман. — *А.Б.*) был свободен от ограничений, устанавливаемых поэтическими кодексами в отношении признанных «законных» жанров, отражая, таким образом, естественный, ничем не сдерживаемый (если речь идет о теоретических правилах) процесс литературного развития» [Липатов 1977: 37]. Поскольку в романе переплелись различные аспекты восприятия и отражения действительности, характерные для лирических, эпических и драматических жанров, именно этим межродовым взаимодействием может быть истолковано его необычайное сюжетно-композиционное богатство как жанра.

Известные памятники европейского эпоса XII — начала XIII вв. (французская «Песнь о Роланде», германская «Песнь о Нибелунгах», грузинская поэма «Витязь в тигровой шкуре», восточнославянское «Слово о полку Игореве») служат материалом для выяснения принципов поэтизации исторических и мифологических сюжетов, а также